

**ДРЕВНЕРУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XIII–XV ВВ. КАК ОБРАЗЕЦ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Кулябцева Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия
369000, Российская Федерация, Карачаево-Черкесская республика, г. Черкесск,
ул. Ставропольская, 36
E-mail: kulyabceva@mail.ru

Абазалиева Лариса Хасанбиевна, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия
369000, Российская Федерация, Карачаево-Черкесская республика, г. Черкесск,
ул. Ставропольская, 36
E-mail: kulyabceva@mail.ru

Дармилова Элла Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия
369000, Российская Федерация, Карачаево-Черкесская республика, г. Черкесск,
ул. Ставропольская, 36
E-mail: kulyabceva@mail.ru

Борлакова Фаризат Ахматовна, кандидат исторических наук, доцент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия
369000, Российская Федерация, Карачаево-Черкесская республика, г. Черкесск,
ул. Ставропольская, 36
E-mail: kulyabceva@mail.ru

В статье представлен комплексный анализ древнерусских летописных сводов XIII–XV вв. В рамках комплексного анализа содержания летописных сводов автор выделяет их факторы, влиявшие на подбор сюжетов и их трактовку в зависимости от центров их создания. Накануне формирования институтов государственности политические элиты русских земель активно использовали летописи, как своеобразную политическую трибуну, с помощью которой они продвигали идеи, способствовавшие обоснованию тех или иных политических притязаний. Даже, несмотря на то, что летописцами были монахи, содержание летописей носило главным образом светский характер и было подчинено главной цели – обоснования права на активное участие в борьбе за политическое доминирование накануне образования единого российского государства. В статье делается вывод о преобладании светских сюжетов вложенных в летописные своды, носивших ярко выраженный характер политической публицистики и отражавшей интересы той или иной политической элиты в условиях обострившейся борьбы за власть накануне образования единого российского государства.

Ключевые слова: летописная традиция, летописные своды, феодальная раздробленность, татаро-монгольское нашествие, политическая борьба, Московское и Тверское княжество, летописание Новгорода

**OLD RUSSIAN ANNALS OF XIII–XV CENTURIES
AS SAMPLE OF POLITICAL JOURNALISM
(HISTORICAL ANALYSIS)**

Kulyabtseva Valentina N., Ph.D. (History), Associate Professor

North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy
36 Stavropolskaya st., Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, 369000, Russian Federation
E-mail: kulyabceva@mail.ru

Abazalieva Larisa Kh., Ph.D. (History), Associate Professor

North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy
36 Stavropolskaya st., Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, 369000, Russian Federation
E-mail: kulyabceva@mail.ru

Darmilova Ella N., Ph.D. (History), Associate Professor

North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy
36 Stavropolskaya st., Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, 369000, Russian Federation
E-mail: kulyabceva@mail.ru

Borlakova Farizat A., Ph.D. (History), Associate Professor

North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy
36 Stavropolskaya st., Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, 369000, Russian Federation
E-mail: kulyabceva@mail.ru

The paper presents a comprehensive analysis of ancient chronicles of XIII–XV centuries. Within the framework of a comprehensive analysis of the content chronicles the author identifies their factors influencing the selection of subjects and their interpretation depending on the centers of their creation. On the eve of the formation of the institutions of statehood political elite of the Russian lands actively used the Chronicle, as a kind of political platform, through which they promoted the idea that contributed to the justification of certain political claims. Even despite the fact that the chroniclers were monks content chronicles bore primarily secular in nature and was subordinated to the main goal – to justify the right to participate actively in the struggle for political domination before the formation of a unified Russian state. The article concludes that the predominance of secular subjects in vlachennyh chronicles, which were pronounced political journalism and reflect the interests of a political elite in terms of intensified struggle for power before the formation of a unified Russian state.

Keywords: chronicle tradition, chronicles, feudal fragmentation, Tatar and Mongol invasion, political struggle, Moscow and Tver principality, chronicles of Novgorod

Феодальная раздробленность на Руси, особенно усилившаяся в годы монголо-татарского ига, способствовала дроблению общерусского летописания и развитию летописания местного, областного. Несомненно, что нашествие монголо-татар затормозило развитие летописания, но его традиция оказалась очень живучей и востребованной в русских землях. Из разрушенных городов летописание переносится в уцелевшие от разгрома монастыри и княжества. Так, после разгрома Владимира Залеского в 1237 г. великокняжеское летописание переходит из Владимира в Ростов. В истории ростовского летописания, как предполагает Д.С. Лихачев, большую роль сыграла княгиня Марья, жена ростовского князя Василька и дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича, убитого в Орде в 1246 г.

В 1262 г. по ростовским городам прокатилась волна восстаний против Орды. Созданный после этих событий летописный свод, определяемый Д.С. Лихачевым как летописный свод Марьи, «весь проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины. Именно эта идея определила собой и содержание, и форму летописи. Летопись Марьи соединяет в своем составе ряд рассказов о мученической кончине русских князей, отказавшихся от всяких компромиссов со своими завоевателями» [5, с. 285]. В рассказе о Юрии Всеволодовиче подчеркивается не только воинская доблесть князя (он отвергает предложение захватчиков мириться с ними, говоря, что «брань славна лучше есть мира студна». – «Лучше добрая война, чем худой мир») [4, с. 465], но и то, что его гибель – это страдание за христианскую веру.

До нас не дошли сведения о рязанском летописании. Однако можно утверждать, что в этом княжестве, принявшем на себя первый удар Батые, велось местное лето-

писание. Рязанский летописный свод, считает исследователь этого вопроса В.Л. Комарович [3, с. 145], был составлен в близкое к событиям 30-х гг. XIII в. время. О существовании этого свода и времени его составления свидетельствует то, что рассказ о приходе сил Батые на Русь почти все известные в настоящее время летописные своды, в том числе и древнейшие: Новгородская I и Лаврентьевская летописи, начинаются с Рязани, и именно в эпизоде, повествующем о судьбе Рязани, ощущается «голос непосредственного наблюдателя и даже участника изображенных событий» [3, с. 75]. Характерной чертой этого свода является обличительная тенденция наиболее заметно проявляется в рассказе о взятии Батыем Рязани. Устные предания о нашествии Батые на Рязань и летописная повесть рязанского летописного свода об этом событии легли впоследствии в основу «Повести о разорении Рязани Батыем», что и делает гипотезу В.Л. Комаровича о наличии летописания в Рязани весьма вероятной.

Галицко-Волынское княжество находилось на юго-западе Руси. На юго-западе и западе Галицко-Волынское княжество граничило с Венгрией и Польшей, на востоке находились Киевское и Турово-Пинское княжества. Галицко-Волынское княжество было одним из богатейших русских княжеств и играло важную роль в политической жизни Древней Руси. Галицко-Волынская летопись, созданная в XIII в., дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, где она расположена непосредственно вслед за Киевской летописью (начиная с 1200 г.). Галицко-Волынская летопись в Ипатьевской летописи делится на две части: первая (до 1260 г.) посвящена описанию жизни и деяний галицкого князя Даниила Романовича и истории Галицкого княжества, вторая повествует о судьбах Владимиро-Волынского княжества и его князей, охватывая период времени с 1261 по 1290 г.

Первая часть Галицко-Волынской летописи, «Летописец Даниила Галицкого», оканчивается кратким сообщением о смерти Даниила и сдержанной похвалой ему. Такое окончание не соответствует остальному характеру отношения летописца к Даниилу. На основании этого Л. В. Черепнин пришел к заключению, что «Летописец Даниила Галицкого» был составлен еще при жизни этого князя и что краткие сообщения о его последних годах и смерти принадлежат не галицкому, а владимиро-волынскому летописанию» [18, с. 230]. Время составления «Летописца Даниила Галицкого» Л. В. Черепнин относит к 1256–1257 гг.

«Летописец Даниила Галицкого» представлял собой единое цельное произведение. Одной из особенностей этого «Летописца» являлось отсутствие в нем характерной для летописей погодных записей. Это объясняется тем, что в «Летописце Даниила Галицкого» перед нами историческое повествование более цельного, связного вида, чем летопись. В основу «Летописца Даниила Галицкого», как установил Л.В. Черепнин, легли галицкая повесть о судьбе малолетних Даниила и Василька Романовичей, детей князя Романа Мстиславича, «Сказание о битве на Калке», написанное участником битвы, повесть о борьбе Даниила с феодальным боярством, «Сказание о Батыевом побоище», рассказ о поездке Даниила в Орду на поклон к Батыю, цикл воинских повестей о борьбе с ятвягами, местные летописи, официальные документы, памятники переводной литературы. В «Летописце» все эти источники составили цельное единое повествование, объединенное как основными идеями этого памятника, так и стилистически.

«Летописец Даниила Галицкого» от других летописных сводов отличается особым акцентом на воинскую тематику. Краткую и меткую характеристику автору «Летописца Даниила Галицкого» дал академик А.С. Орлов: «В Галицком повествовании постоянно чувствуется дипломат и воинственный дружинник, любящий звон и бряцание оружия, придворный и своего рода «рыцарь», который понимал историю как цепь войн и мятежей» [12, с. 118].

«Волынская летопись», следующая за «Летописцем Даниила Галицкого», как считает И.П. Еремин, – «от начала до конца – труд одного и того же автора... Об одной руке свидетельствуют как содержание летописи, так и весь ее литературный строй» [1, с. 174]. «Волынская летопись» была составлена как цельное единое произ-

ведение в 90-х гг. XIII в., в ней, как и в «Летописце Даниила Галицкого», отсутствовал прием изложения событий строго по годам. Но в отличие от «Летописца» повествование в «Волынской летописи» строго выдержано в хронологической последовательности.

В XIV в., как и в XIII в., между русскими княжествами продолжается кровопролитная борьба за политическое доминирование. К началу XIV в. в борьбу за первенство среди русских князей, а значит и за титул великого князя Владимирского, вступают московские князья. Основными их соперниками в этой борьбе в начале XIV в. были тверские князья. В условиях господства церковной идеологии большое значение для них имела поддержка церкви. Наибольшего успеха в укреплении союза с церковью добилась Москва. В 20-х гг. XIV в. при московском князе Иване Даниловиче Калите митрополит всея Руси Петр переехал из Владимира в Москву. Москва становится церковным центром всех русских земель.

В конце XIII – начале XIV в. начинается постепенное возрождение ремесленного производства, восстанавливается и расширяется торговля между городом и деревней, происходит рост торгово-ремесленных посадов. Эти процессы обуславливают расцвет строительного дела на Руси в XIV в., особенно в середине - конце этого столетия. Каменные храмы и крепостные сооружения строятся в Новгороде, Пскове, Твери. В 1326 г. начинается каменное строительство в Москве. При Иване Калите в Кремле строится сразу четыре каменных храма. В 1366–1367 гг. сооружается белокаменная стена Московского кремля. Возрождается и книгописная деятельность, сильно подорванная монголо-татарским нашествием. Возрождению книжной культуры благоприятствовало появление на Руси во второй половине – конце XIV в. бумаги, более дешевого писчего материала, чем существовавший до этого пергамен.

В характере летописания каких-либо существенных изменений или новых явлений в это время, по сравнению с предшествующим, не происходит. Началом XIV в. датируется Синодальный список Новгородской первой летописи - свод нескольких более ранних летописей Новгорода, пополненный записями до времени составления Синодального списка (это древнейший из сохранившихся списков русских летописей; второй по древности список - Лаврентьевская летопись 1377 г.). В конце XIII – первой половине XIV в. возникают новые летописные центры. С конца XIII в. начинают вестись летописные записи в Твери и Пскове, а в 20-х гг. XIV в. зарождается летописание в Москве.

Возникновение летописания в Твери связано с постройкой здесь в 1285 г. белокаменного собора Спаса-Преображения. В годы политического расцвета Твери тверское летописание велось интенсивно, в годы политических неурядиц оно замирало [10, с. 30].

В основе реально дошедших до нас Тверского сборника и Рогожского летописца лежит Тверской свод, составленный в 1375 г. (Как этот свод, так и другие тверские своды восстановлены историками летописания гипотетически, на том основании, что до 1375 г. доходит общий тверской текст Рогожского летописца и Тверского сборника). В истории русского летописания особо важное место занимает свод 1305 г., в котором соединились летописные своды и южной и Северо-Восточной Руси (Переяславля Русского, Владимира, Ростова, Твери) [6, с. 34]. Текст свода 1305 г. дошел до нас в копии 1377 г., сделанной с него для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича в так называемой Лаврентьевской летописи.

Псковское летописание, дошедшее до нас, относится ко времени не ранее конца XV в., хотя исследователи относят время возникновения местного псковского летописания ко второй половине XIII – началу XIV в.

Летописание Пскова носило светский и официальный характер, хотя центром летописной работы была Троицкая церковь, велось летописание в посадничьей избе, хранилась летопись в так называемом ларе – церковном архиве [8, с. 255]. Но это было не столько церковное, сколько гражданское учреждение древнего Пскова: в ларе хранились документы города и частных лиц, всевозможные донесения и т. п. Все эти

материалы привлекались при составлении летописных записей. Это придавало псковской летописи деловой, практический характер. В ее содержании и стиле церковно-религиозные мотивы занимают мало места. Псковская летопись в основном состоит из лаконичных официально-документальных записей (например: «В лето 6811 (1303). Бысть зима тепла без снега, и бысть хлеб дорог велми. Того же лета Избореск поставлен бысть на новом месте» [16, с. 14]).

Зарождение летописания в Москве связано с именами князя Ивана Даниловича Калиты и митрополита Петра. Составление первого Московского летописного свода предположительно датируется 1340 г. В его основу легли записи семейного «Летописца» Ивана Калиты (первая запись этого «Летописца» – о рождении сына Калиты Семена в 1317 г.) и «Летописца» митрополита Петра, переехавшего в Москву из Владимира [15, с. 3].

Привезенный Петром «Летописец» продолжал вестись при Успенском соборе, который был заложен Петром в 1326 г. и в котором он по собственному завещанию был погребен (умер Петр в конце 1326 г., а строительство собора было окончено в 1327 г.). Принципиально важное идеологическое значение имела сохранявшаяся традиция летописания включать в начальную часть свода, рассказы об истории Киевской Руси, благодаря чему история каждого княжества становилась продолжением истории всей Русской земли, а великие князья этих княжеств выступали наследниками киевских князей.

Первый Московский летописный свод, это свод московского митрополита Киприана 1408 (1409) г. Списком этого свода была Троицкая пергаменная летопись, погибшая в московском пожаре 1812 г. [7, с. 84]. Свод 1408 (1409) г. начал составляться по инициативе и, может быть, при непосредственном участии митрополита Киприана, а закончен был уже после его смерти (ум. в 1406 г.).

Летописный свод Киприана – первый в полном смысле этого слова общерусский летописный свод. Киприан, митрополит всея Руси, для составления летописного свода имел возможность потребовать летописи из всех подчиненных ему в церковном отношении русских княжеств, в том числе и тех, которые в это время входили в состав великого княжества Литовского. В своде Киприана были использованы летописи Твери, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Ростова, Рязани, Смоленска и, конечно, все предшествующее летописание Москвы. Кроме того, были включены сведения по истории Литвы. Привлеченные для составления свода источники перерабатывались незначительно. Политически свод Киприана имел яркую промосковскую тенденцию [6, с. 67].

Летописание Тверского княжества, князя которого, как уже отмечалось выше, были основными соперниками московских князей в борьбе за старшинство, после разгрома Твери в 1375 г. великим князем московским Дмитрием Ивановичем, временно прерывается. В 1382 г. тверское летописание возобновляется и не прекращается до потери Тверью своей самостоятельности. Наибольшего расцвета в этот период летописание Твери достигает при тверском великом князе Борисе Александровиче (1425–1461). Тверская летопись стремится показать, что руководящую роль в русской истории играет Тверь, что Тверь является оплотом борьбы с монголо-татарским игом, а тверские великие князья, опытные военачальники и мудрые государственные деятели, достойны стать самодержцами Русской земли.

В рассматриваемый период летописание Новгорода теряет свою былую демократичность, свой местный характер и начинает претендовать на общерусское значение. Поэтому в Новгородскую летопись включаются внелетописные памятники повествовательного, историко-политического характера, призванные подтвердить особую роль Новгорода в истории Русской земли, противопоставить Новгород, новгородскую древность Москве. Эта тенденция новгородского летописания объясняется обострением политической и идеологической борьбы Москвы с Новгородской боярской республикой в конце XIV – первой половине XV в. Наиболее остро эти тенденции новгородского летописания проявились, когда новгородскую архиепископскую ка-

федру занимал Евфимий II (с 1429 по 1458 г.). Необходимо отметить, что новгородский архиепископ играл важнейшую роль в идеологической жизни города. При Евфимии II в Новгороде усиленно собираются материалы по истории города, пропагандируются легендарно-исторические предания, создаются новые летописные своды.

Наиболее замечательным памятником русского летописания XV в., оказавшим влияние на все последующее общерусское и новгородское летописание, был свод, лежащий в основе двух летописей (Софийской I и Новгородской IV) и условно называемый в научной литературе сводом 1448 г. Мы не знаем точной даты написания этого свода, но он был составлен во всяком случае уже после 1418–1425 гг. (до которых доходит совпадающий текст обеих летописей), во время жестокой борьбы за престол в Московском княжестве между великим князем Василием II (Темным) и его двоюродными братьями. Составитель свода 1448 г. по-настоящему слил новгородское и владими́ро-московское летописание, добавив большие вставки из летописей Твери и Пскова, суздальские и ростовские известия. В общерусское летописание все эти повести были введены именно в своде 1448 г., а из него были заимствованы в другие летописи XV–XVI вв. По неизвестным источникам составитель свода 1448 г. ввел в рассказ о расселении славян легендарную фигуру новгородского старейшины Гостомысла, он создал по нескольким источникам (новгородским, владимирским, южным, возможно, ростовскому) сводные рассказы о битве на Калке (с упоминанием богатыря Александра Поповича и погибших с ним «10 храброе») и нашествии Батые. Впервые в своде 1448 г. появились пространные рассказы о борьбе с татарами при Дмитрии Донском – о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша, житии Дмитрия Донского. Взяв за основу краткий и чисто фактический рассказ Троицкой летописи о Куликовской битве, составитель свода 1448 г. особенно подчеркнул предательскую роль Олега Рязанского, которому был противопоставлен образ благочестивого Дмитрия Московского. Через все рассказы свода 1448 г., заимствованные из других сводов или впервые введенные в летописание, проходила одна мысль – о необходимости объединения против внешнего врага. Именно поэтому краткий рассказ более ранних сводов об убийстве Святополком его братьев Бориса и Глеба был заменен здесь подробным житийным текстом, в рассказ об убийстве Андрея Боголюбского вставлено осуждение злоумышленников, выступивших против своего «кормителя и господина», повесть о битве на Липице дополнена вымышленной речью боярина Творимира о необходимости подчиняться старшему брату; таким же духом были проникнуты и другие вставные повести свода 1448 г. В обстановке феодальной войны середины XV в. все это имело острый политический смысл.

Составленный еще до окончательного завершения феодальной войны, свод 1448 г. довольно скоро после своего появления стал подвергаться изменениям. После победы Василия Темного весь конец свода 1448 г., описывающий его княжение и борьбу с соперниками, был отброшен (старшая редакция) или сильно сокращен (младшая редакция). В Новгородской IV летописи произошли другие изменения. Летопись эта составлялась в Новгороде, который занял теперь враждебную Москве позицию и дал приют побежденному сопернику Василия Темного – Дмитрию Шемяке. К основному тексту свода 1448 г. здесь было сделано много чисто новгородских добавлений (о новгородских посадниках, событиях в городе), большие общерусские повести сокращены [17, с. 5].

При своем возникновении летопись была памятником, составленным в верхах общества Киевской Руси, главным образом, в кругах, близких к князю. Поэтому центральными действующими фигурами летописей являются крупные феодалы, в первую очередь князья и епископы. «Наши летописи, – пишет М. Д. Приселков, – не были литературными произведениями в узком смысле этого слова, а политическими документами» [15, с. 17].

Даже, несмотря на то, что летописцами были монахи, содержание летописей носит главным образом светский характер и подчинено главной цели обоснования права на активное участие в борьбе за политическое доминирование накануне образования единого российского государства.

Список литературы

1. Еремин И. П. Литература Древней Руси / И. П. Еремин. – Москва–Ленинград : Наука, 1966.
2. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 1962. – Т. II, стлб. 285–715.
3. Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII в. / В. Л. Комарович // История русской литературы. – 1945. – Т. II, ч. I.
4. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 1962. – Т. I, стлб. 465–471.
5. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – Москва–Ленинград : Наука, 1947.
6. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Я. С. Лурье. – Ленинград, 1976.
7. Лурье Я. С. Троицкая летопись и московское летописание XIV в. / Я. С. Лурье // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1974. – Т. VI. – С. 84–91.
8. Насонов А. Н. Из истории псковского летописания / А. Н. Насонов // Исторические записки. – 1946. – № 18. – С. 255–294.
9. Насонов А. Н. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. / А. Н. Насонов // Проблемы источниковедения. – 1993. – № 11.
10. Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века / А. Н. Насонов // Археографический ежегодник за 1957 г. – Москва, 1958.
11. Новгородская летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – Москва–Ленинград, 1950.
12. Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. / А. С. Орлов. – Москва–Ленинград : Художественная литература, 1997.
13. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания / О. И. Подобедова. – Москва, 1965.
14. Приселков М. Д. «Троицкая летопись». Реконструкция текста / М. Д. Приселков. – Москва–Ленинград : Наука, 1950.
15. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – Ленинград : Пресса, 1980.
16. Псковские летописи. – 1941. – Вып. I.
17. Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. – 1851–1853. – Т. V–VI. (с пропусками) ; Полное собрание русских летописей. – 1925. – Т. V (не до конца).
18. Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого / Л. В. Черепнин // Исторические записки. – 1941. – № 12. – С. 228–253.

References

1. Yeremin I. P. *Literatura Drevney Rusi* [Literature of Ancient Rus], Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966.
2. Ipatyevskaya letopis [Ipatyev Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], 1962, vol. II, column 285–715.
3. Komarovich V. L. *Ryazanskiy letopisnyy svod XIII v.* [Ryazan chronicle the XIII century]. *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature], 1945, vol. II, part I.
4. Lavrentevskaya letopis [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], 1962, vol. I, column 465–471.
5. Likhachev D. S. *Russkie letopisi i ikh kulturno-istoricheskoe znachenie* [Russian chronicles and their cultural and historical significance], Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1947.
6. Lure Ya. S. *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* [General Russian chronicles XIV–XV centuries], Leningrad, 1976.
7. Lure Ya. S. *Troitskaya letopis i moskovskoe letopisanie XIV v.* [Trinity Chronicle and Moscow chronicles XIV]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines], 1974, vol. VI, pp. 84–91.
8. Nasonov A. N. *Iz istorii pskovskogo letopisaniya* [History of Pskov chronicles]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1946, no. 18, pp. 255–294.
9. Nasonov A. N. *Lavrentevskaya letopis i Vladimirskoe velikoknyazheskoe letopisanie pervoy poloviny XIII v.* [Laurentian Chronicle and the grand duke of Vladimir chronicles the first half of the XIII century]. *Problemy istochnikovedeniya* [Problems of Sources], 1993, no. 11.
10. Nasonov A. N. *O tverskom letopisnom materiale v rukopisyakh XVII veka* [About Tver chronicles material in the manuscripts of the XVII century]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1957 g.* [Archeography Yearbook 1957], Moscow, 1958.

11. Nasonov A. N. (ed.) *Novgorodskaya letopis starshego i mladshhego izvodov* [Novgorod Chronicle senior and junior nagged], Moscow–Leningrad, 1950.
12. Orlov A. S. *Drevnyaya russkaya literatura XI–XVI vv.* [Ancient Russian Literature XI–XVI centuries], Moscow–Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1997.
13. Podobedova O. I. *Miniatyury russkikh istoricheskikh rukopisey. K istorii russkogo litsevogo letopisaniya* [Thumbnails Russian historical manuscripts. It chronicles the history of Russian facial], Moscow, 1965.
14. Priselkov M. D. «Troitskaya letopis». *Rekonstruktsiya teksta* ["Trinity Chronicle." Reconstruction of the text], Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1950.
15. Priselkov M. D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [History of Russian chronicles XI–XV centuries], Leningrad, Pressa Publ., 1980.
16. *Pskovskie letopisi* [Pskov chronicles], 1941, issue I.
17. Sofiyskaya letopis [Sofia chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], 1851–1853, vol. V–VI ; *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], 1925, vol. V.
18. Cherepnin L. V. Letopisets Daniila Galitskogo [Chronicler Daniel Galitsky]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1941, no. 12, pp. 228–253.